

Россия и НАТО

Если говорить о проблеме взаимодействия России и НАТО, то надо прежде всего ответить на один из ключевых вопросов – чего от отношений с НАТО ждет российское общество. Без ответа на него, основанного на социологических данных, невозможно понять политику властей России по отношению к альянсу.

Вначале хотелось бы привести несколько цифр из исследований Левада-центра. 26% россиян считают, что сближение с НАТО соответствует интересам России, 47% - что нет (опрос 2012 года). Вступление в НАТО считают наиболее отвечающим интересам России 6%, сотрудничество с НАТО в интересах общей безопасности (не правда ли, очень размытая и политкорректная формулировка!) – всего 25%, несмотря на «размытость» фразы. Противостоять расширению НАТО, создавать оборонительные союзы в противовес НАТО предлагают 24%. И, наконец, 32% за то, чтобы не присоединяться к военным блокам (опрос 2012 года). Разумеется, последнее не относится к ОДКБ – военный блок, с точки зрения большинства россиян, это потенциальный агрессор, а ОДКБ – это оборонный союз, деятельность которого население России одобряет. Можно говорить о игре словами, но общественное мнение от этого не изменится. Это как в русском языке есть слова разведчик и шпион – о людях, занимающихся одной и той же деятельностью, но, соответственно, «своих» и «чужих». И поэтому коннотации противоположны, а НАТО как было «агрессивным военным блоком» в 1985 году (для тогда еще советских людей), так и осталось для современных россиян.

Еще один интересный опрос «Левады» (2009 года) – «как вы считаете, есть ли основания у России опасаться стран Запада, входящих в блок НАТО?». В разной степени опасаются НАТО 62%, не опасаются – 26%. Кстати, такой же вопрос задавался в 1997 году, и результаты очень похожие – 60 против 27%. Это означает, что речь идет о глубинных страхах, не связанных с теми или иными преходящими раздражителями. Например, война в Югославии, где НАТО применило силу в отношении «братьев-сербов», что вызвало решительное отторжение со стороны всего политического класса России (даже либералы были крайне недовольны тем, что НАТО их «подставило», вызвав всплеск антизападных настроений), произошла в 1999 году. И за два года до нее абсолютное большинство россиян уже боялись Запад – а после югославской войны лишь утвердились в сознании своей правоты.

При ближайшем рассмотрении становится ясно, что политика НАТО, с точки зрения россиян, идентифицируется с политическим курсом США, к которым население России относится крайне подозрительно. В 2012 году лишь 18% сочли, что США должны быть в числе стран, на сотрудничество с

которыми России прежде всего следует ориентироваться в своей внешней политике. Для сравнения – страны Западной Европы назвали 48%, страны СНГ – 50%, а вот Индию и Китай – 34% (можно было выбрать несколько вариантов ответов). Это очень важный момент – россияне склонны разделять в своем сознании США и их союзников по НАТО из так называемой «старой Европы». Причем их отношение к Германии, с которой семь десятилетий назад велась самая кровопролитная война в истории человечества, значительно лучше, чем к США, которые в той войне были союзниками СССР.

И еще один вывод из этого опроса – резко преувеличенным выглядит представление о чуть ли не генетическом антизападничестве россиян, которые якобы только и думают, чтобы броситься в объятия Пекину. Такие настроения есть, но они не преобладают – скорее, своими главными партнерами россияне считают как ближайших соседей по СНГ (ранее входивших в одно с ними государство), так и европейцев, которых они считают успешными, благополучными (несмотря на нынешний кризис) и безопасными для себя.

И, на контрасте, еще один опрос «Левады», где в отношении США была выдвинута четкая дихотомия – или они «защитник мира, демократии, порядка во всем мире», или же «агрессор, который стремится взять под контроль все страны мира». С первой формулировкой согласились 7%, со второй – 76%. Своим правом не выяснить своего отношения к Америке, так сказать, «отойти в сторону» в жестком идеологическом споре, воспользовались лишь 17% опрошенных.

Итак, НАТО и США в общественном сознании прочно «склеены» и разделить их невозможно. Парадоксально выглядит история с созданием «перевалочного центра» НАТО в Ульяновске для обеспечения завершения операции в Афганистане. Если говорить холодно и логично, то этот центр выгоден России, так как обеспечивает поступление финансовых ресурсов, важных для региона. Кроме того, и сама военная операция НАТО в Афганистане выполняет сдерживающую роль в отношении талибов, которые являются угрозой для союзников России по ОДКБ. Мы это уже «проходили» во второй половине 90-х годов, когда талибы вышли к афгано-таджикской границе, и России пришлось накачивать ресурсами Ахмад Шаха Масуда, противника СССР в афганской войне. По сути дела, партнерство в афганском вопросе – это единственный пункт позитивной повестки дня в отношениях между Россией и НАТО, который удалось сформулировать и частично реализовать обеим сторонам.

А как смотрит на это общество? Опрос «Левады» (апрель 2012 года) зафиксировал, что 73% россиян в той или иной степени были против этого проекта, причем 40% - «категорически против».

Представляется, что страхи российского общества перед США и НАТО связаны с несколькими факторами. Первый восходит к 22 июня 1941 года – это страх перед неожиданным военным нападением, переходящий из

поколения в поколение. Причем источником угрозы воспринимается наиболее сильная страна, интересы которой расходятся с интересами России. С начала «холодной войны» - это США, тогда как их союзники еще во времена советской пропаганды нередко выглядели в информационном пространстве СССР «страдающей стороной», которой американцы «выкручивают руки», стремясь добиться своих целей (например, размещения ядерных ракет в Европе). Что же до Германии, то обвинения властей этой страны в «реваншизме» были фактически свернуты после прихода к власти в ФРГ Вилли Брандта, то есть более полувека назад.

Отсюда и второй фактор – наследие советского прошлого, которое проявляется во многих аспектах. Например, если в начале 90-х годов производители товаров, выходя на российский рынок, подчеркивали их западное происхождение, то сейчас, нередко, ориентируясь на массового небогатого потребителя, апеллируют к ностальгическим чувствам и демонстрируют преемственность с советским временем. Особенно это развито в пищевой и легкой промышленности. Реабилитируются многие советские стереотипы (хотя и не все – контроля над личной жизнью россияне категорически не хотят), в том числе и внешнеполитические. Это связано с сильнейшей психологической травмой в связи с распадом СССР, с падением влияния страны на мировой арене – причем такие эмоции присутствуют во всех социальных стратах. Статус «сверхдержавы», завоеванный в результате победы в Великой Отечественной войне, россияне считали в полной мере заслуженным, а его утрату и превращение США в доминантного игрока (пусть доминирование которого и подвергается сомнению) – несправедливым. Причем утрата имперского статуса не сопровождалась компенсацией в виде роста уровня жизни – процессы в социальной сфере носили обратный характер.

Третий фактор – ощущение угрозы от расширения НАТО на Восток, которое затрагивает не только население в целом, но и элитные группы, которые считают, что Запад (в первую очередь, США) нарушил «джентльменские договоренности» начала 90-х годов не продвигаться в бывшую зону влияния СССР. Правда, сейчас эта тема отошла на второй план (Барак Обама, в отличие от своего предшественника, не собирается делать ставку на включение в НАТО Украины и Грузии), но не исчезла совсем, а противоречия вокруг программы ПРО только подогревают недоверие.

Тем более, что сам Запад воспринимает Россию как «другого», фактор риска, страну, к которой надо относиться с максимальной осторожностью. Россия как «другой» позволяет Западу подчеркивать свою идентичность – это своего рода константа. Она относится и к Московии XVII века, и к петровской «мобилизационной» империи, и к универсалистской империи первой половины XIX столетия, и к «национальной» империи последних десятилетий существования монархии, и к большевистскому государству в разных его вариантах (от жесткого до мягкого тоталитаризма). Образ агрессивного медведя, подавляющего более слабые государства и народы,

укоренился как в элитном, так и в массовом сознании Запада, найдя свое отражение в киплингской формулировке: «Не заключайте мировой с Медведем, что ходит, как мы». Таким образом, даже стремление российской элиты к европеизации («прямохождению», если использовать метафору Киплинга) не делает ее автоматически европейской с точки зрения самих европейцев.

В постсоветский период российской истории негативные стереотипы в значительной степени сохранились – западное общественное мнение возлагало на Россию ответственность за противоречия на пространстве СНГ, к которым она в той или иной степени имела отношение. С одной стороны, Россия постоянно находилась «под подозрением» как возможный агрессивный восстановитель империи. Разумеется, на отношение общественного мнения Запада к современной России в разные периоды истории может быть объяснено влиянием текущих факторов. Например, согласно опросу компании GlobeScan/PIPA, проведенному по заказу ВВС, к России в прошлом году негативно относились большинство респондентов во Франции (59%) и Германии (54%), что связывается с недовольством внутренней и внешней политикой Владимира Путина после его возвращения в Кремль. Однако серьезное неприятие проявлялось и в предыдущие годы. Например, в 2006 году, согласно опросу ВВС, две трети французов оценивали влияние России в мире как в целом отрицательное, и лишь 14% дали ему положительную оценку (это в период, когда позиции Франции и России во внешней политике были куда ближе, чем сейчас).

С другой стороны, европейцы не видели возможностей для интеграции в свой Союз столь большой и своеобразной страны, считающей себя одним из мировых центров (даже существенно меньшая по территории, населению и амбициям Украина сейчас не рассматривается в качестве реального кандидата на вступление в ЕС даже в длительной перспективе). В результате Запад взял на себя функции покровителя тех элит постсоветского пространства, которые стремились максимально дистанцироваться от России, и ограничителя российского влияния в этом регионе. Соответственно, расширение НАТО (как состоявшееся, так и пока не реализованное) воспринимается в России не только как продвижение военного блока к ее границам, но и как символ сохранения противостояния, основанного на многолетних стереотипах.

Четвертый фактор – военные операции, в которых участвуют США и западные страны. Еще раз отмечу, что значение этого фактора не стоит преувеличивать, но он также присутствует, цементируя советские стереотипы и частично наполняя их новым содержанием. Российское общество в большинстве своем не видело в Саддаме Хусейне или Муаммаре Каддафи кровожадных преступников, воспринимая их «спокойно-отстраненно». Соответственно, их свержение либо коалицией во главе с США, либо при активном участии Запада воспринимается в российском обществе как агрессия, не имеющая оправданий.

Пятый фактор – активная антизападная пропаганда в российских СМИ – также относится к второстепенным. В российских государственных и окологосударственных СМИ, действительно, появляется множество антизападных материалов, вплоть до серьезного обсуждения маргинальных конспирологических версий (например, о том, что теракт 11 сентября – результат заговора американских правых деятелей). Но эта пропаганда воспринимается населением только потому, что общество уже готово видеть в США и НАТО врагов и лишь получает новые аргументы, подтверждающие этот тезис.

Представляется, что в обозримом будущем отношение россиян к НАТО вряд ли серьезно изменится. В этих условиях для Запада практически безальтернативным является выстраивание отношений на двусторонней основе и долгий путь повышения доверия к себе со стороны россиян. Все это не обещает быстрых результатов, но другого варианта просто нет.